

Конец работы, магическая жизнь

Невидимый Комитет

2017

В ходе конфликта, поводом для которого стала реформа трудового законодательства во Франции, могло создаться впечатление, что речь идёт о правительстве, о демократии, о статье 49.3 конституции, о насилии, мигрантах, терроризме или о том, что кажется наиболее важным для любого из действующих лиц. Но что можно было сказать о работе как таковой? Практически ничего. Для сравнения, в 1998 году, в ходе «выступления безработных», вся повестка парадоксальным образом заключалась лишь в одном этом вопросе: в проблеме работы, даже если речь шла об её отрицании. Ещё не так давно при встрече было обычным делом спросить: «Где ты работаешь?». И необходимость дать на него ответ казалась столь же естественной. Из соображений приличия требовалось сообщить, какое положение ты занимаешь во всеобщей производственной цепочке. Это считалось своего рода визитной карточкой. С тех пор общество тех, кто живёт на зарплату, схлопнулось до такой степени, что теперь задавать подобные вопросы считается неэтичным, поскольку они вызывают у людей дискомфорт. Каждому приходится кое-как сводить концы с концами, подрабатывать на стороне, устраивать перерывы, начинать сначала. Работа утратила свой блеск и больше не занимает центральное место в жизни: не только в социальном, но и в экзистенциальном плане.

С каждым новым поколением всё больше и больше людей сверхъестественным образом превращаются в «обузу для общества» – по крайней мере, для экономического общества. Вспомнив, что на протяжении шестидесяти лет такие фигуры, как Норберт Винер, пророчили, что автоматизация и кибернетизация «породит безработицу, по сравнению с которой нынешние трудности и экономический кризис 1930-36 годов покажутся детской забавой», мы можем сделать вывод, что это и произошло. Если верить последним слухам, Amazon планирует открыть в Соединённых Штатах 2000 полностью автоматизированных универсамов, где не будет кассовых аппаратов, и, следовательно, кассиров, на смену которым придёт тотальное наблюдение, распознавание лиц покупателей и анализ их телодвижений в реальном времени. При входе вам надо будет воспользоваться смартфоном, и после его одобрительного пикания на терминале вы сможете обслужить себя самостоятельно. Стоимость выбранных вами товаров будет автоматически списываться с вашего Premium аккаунта, – для этого предусмотрено специальное мобильное приложение – а то, что вы положите

обратно на полку, будет вычтено из итоговой суммы. Это называется Amazon Go. В этой антиутопии будущего шопинга нет места наличным деньгам, очередям, мелким кражам и даже работникам. Утверждается, что если эту новую модель удастся реализовать, вся индустрия торговли, обеспечивающая в США наибольшее количество рабочих мест, будет поставлена с ног на голову. Со временем в сфере мелкой розничной торговли будет уничтожено три четверти рабочих мест. Если взять шире и на минуту поверить предсказаниям Всемирного банка, примерно к 2030 году благодаря «инновациям» в благополучных странах исчезнет 40% существующих рабочих мест. «Мы никогда не будем работать», – бравировал Артур Рембо. Это станет поводом для трезвой переоценки ситуации, с которой столкнётся целое поколение молодых людей.

Во всём диапазоне политических взглядов, от крайне левых до крайне правых, хватает балаболов, бесконечно пророчащих нам «возврат полной занятости». Те, кто хотели бы внушить нам ностальгию по золотому веку системы наёмного труда, будь то марксисты или либералы, не стесняются врать об её истоках. По их словам, эта система освободила нас от крепостничества, от рабства и от доминирования традиционных структур – иными словами, она олицетворяет «прогресс». Однако в ходе любого, хоть сколько-нибудь вдумчивого исторического исследования станет очевидным, что эта система появилась на свет для расширения и усиления всё той же кабалы. Истина заключается в одном: для того, чтобы превратить человека в «обладателя рабочей силы» и вынудить его «выставлять её на продажу», – то есть, чтобы сделать фигуру Работника обыденной и привычной, – потребовалось спровоцировать массовое обнищание, депортацию, грабежи и разруху, не говоря о той важной роли, которая отводилась террору, дисциплинарному воздействию и массовым убийствам. Невозможно хоть сколько-нибудь приблизиться к пониманию *политической* природы экономики, не осознав того факта, что в её рамках проблема труда рассматривается не столько в контексте производства товаров, сколько в контексте производства *работников* – то есть, в ключе специфического отношения к самому себе, миру и окружающим людям. Наёмный труд был способом поддержания определённого миропорядка. Его насильственная природа – говоря о насилии, которому подвергается измождённое тело рабочего на конвейере, шахтёра, погибшего при взрыве метана, или служащих, выгорающих под невыносимым натиском менеджеров, – имеет самое прямое отношение к вопросу о смысле жизни. Продавая своё время, превращая себя в субъект той задачи, для выполнения которой его нанимают, наёмный работник делегирует вопрос о смысле своего существования тем, кому до его проблем нет никакого дела и чья главная функция – не считаться с его интересами. Система наёмного труда позволила целым поколениям мужчин и женщин прожить свою жизнь, избегая вопроса об её смысле, ради того, чтобы «приносить пользу», «делать карьеру» и «служить». Наёмный работник всегда располагал свободой отложить решение этого вопроса до лучших дней – скажем так, до выхода на пенсию – в обмен на возможность приобщиться к достойной общественной жизни. А поскольку после выхода на пенсию задаваться такими вопросами уже явно «слишком поздно», остаётся лишь терпеливо дожидаться смерти. Выходит, что мы могли прожить целую жизнь, даже не попытавшись вникнуть в вопрос о сущности своего бытия. Так что есть все основания полагать, что картина Мунка «Крик» и

сегодня может считаться наглядной иллюстрацией современного человечества. И то, чего эта отчаявшаяся личность, стоя на своём мосту, не способна найти, так это ответа на вопрос: «Как мне следует жить?»

С точки зрения капитала, распад общества наёмных работников представляет собой одновременно и возможности переустройства, и политический риск. Этот риск заключается в том, что человеческие существа смогут найти непредвиденное применение своему времени и своим жизням или даже что они смогут докопаться до сути этого вопроса и найти на него ответ. По этой причине руководящий состав всегда старался предусмотреть, чтобы мы, праздные человеческие существа, не могли распоряжаться досугом по своему усмотрению. Создаётся впечатление, что чем меньше мы работаем на производстве, тем больше нам нужно работать в качестве потребителей. Словно потребление теперь определяется не через удовлетворение потребностей, а считается общественным долгом. Вдобавок ко всему, технологическая оснастка досуга всё более схожа с той, что используется в трудовой деятельности. Пока мы маемся дурью в интернете, наши клики становятся данными, которые GAFA (Google, Amazon, Facebook и Apple) смогут впоследствии перепродать; работа проглядывает даже в искушении компьютерных игр через необходимость собирать очки, проходить уровни, получать бонусы и учитывать прочие уловки, превращающие нас в маленьких детей. Вместо того чтобы рассматривать нынешний ажиотаж вокруг проблемы обеспечения безопасности и оргию тотальной слежки как реакцию на события 11 сентября, было бы более благоразумно считать их реакцией на установленный экономический факт, что именно в 2000 году технологические инновации впервые привели к снижению вакансий на рынке труда. С тех пор возникла необходимость в массовом наблюдении за любой нашей деятельностью, всеми видами нашей коммуникации и всеми нашими телодвижениями, расставить камеры и датчики буквально повсюду, поскольку *одной лишь дисциплины наёмного труда стало недостаточно для эффективного управления населением*. Лишь население, находящееся под неустанным и тотальным контролем, может позволить себе мечтать о предоставлении ему безусловного основного дохода.

Но суть заключается не в этом. Прежде всего, необходимо гарантировать, чтобы господству экономики не пришёл конец и после упразднения системы наёмного труда. Это имеет прямое отношение к тому факту, что по мере того как работы становится всё меньше и меньше, происходит *всё более интенсивная монетизация всех аспектов жизни*, даже если речь идёт об очень небольших деньгах. Ввиду отсутствия работы нужно удостовериться, что для физического выживания по-прежнему будет необходимо зарабатывать деньги. Даже если однажды безусловный основной доход будет гарантирован, на чём настаивают столь многие либерально настроенные экономисты, его размер непременно будет достаточно большим, чтобы человек не умер от голода, но совершенно недостаточным для того, чтобы можно было прожить, полагаясь только на него, даже отказывая себе в самом необходимом. На наших глазах внутри экономики происходит смена режима. На смену величественной фигуре Работника приходит жалкая фигура Крохобора [*le Crevard*], ведь если деньги и контроль проникли повсюду, необходимо, чтобы денег не хватало везде. Отныне и впредь следует пользоваться любым поводом, чтобы заработать немного денег, получить небольшую выгоду, срубить «немного капусты». Нынешнее технологиче-

ское наступление также следует понимать, как способ занять и повысить ценность тех, кого более невозможно эксплуатировать посредством наёмного труда. То, что было чересчур поспешно названо уберизацией мира, разворачивается в двух основных направлениях. С одной стороны, у нас есть Uber, Deliveroo и тому подобные сервисы, дающие возможность зарабатывать неквалифицированным участникам рынка труда, чей капитал представлен лишь подержанным автомобилем. Каждый водитель свободен эксплуатировать самого себя как он сочтёт нужным, помня только о том, что ему необходимо накатать не меньше пятидесяти часов в неделю, чтобы рассчитывать на сумму, эквивалентную минимальной зарплате. Кроме того, у нас есть Airbnb, BlaBlaCar, сайты знакомств, «коворкинги», а теперь даже «кохоуминги» или «костораджи» - в общем, все те области, благодаря которым сфера валоризации могла бы расширяться до бесконечности. То, с чем мы имеем дело в случае «совместной экономики» с её неиссякаемым потенциалом по части валоризации, представляет собой нечто большее, чем очередную мутацию образа жизни: перед нами мутация возможного, мутация *нормального*. До появления Airbnb свободная комната считалась «гостиной» или находила себе иное применение; теперь она воспринимается как упущенная прибыль. До появления BlaBlaCar одиночная поездка на своей машине была поводом для того, чтобы предаться своим размышлениям, подвезти автостопщика или для чего угодно ещё; теперь же это считается упущенным шансом заработать немного денег, то есть практически *скандалом*, если выражаться на языке экономики. То, что раньше отдавалось знакомым или друзьям, теперь выставляется на интернет-аукционе *Le bon coin*. Ожидается, что теперь всегда и при любых обстоятельствах человек должен будет заниматься *расчётами*. Страх «упущенной возможности» будет преследовать нас до конца наших дней. Важно не то, что мы вынуждены работать за один евро в час или зарабатывать мелочь, выискивая предложения на Amazon Mechanical Turk, – главная опасность кроется в том, куда эта тенденция может нас завести. Отныне и впредь абсолютно всё должно приносить прибыль. Все аспекты жизни превращаются в возможность заработка, даже отходы. А мы тем временем превращаемся в Крохоборов, в человеческие отходы, эксплуатирующие друг друга под видом «экономики взаимопомощи». Если всё возрастающему количеству людей грозит исключение из системы трудового найма, то это отнюдь не подразумевается как повод для досуга, который они могли бы коротать за утренней ловлей покеромонов или вечерней рыбалкой. Открытие новых рынков в тех областях, где всего за год до этого никто и вообразить не мог такую возможность, служит иллюстрацией тому факту, который так трудно объяснить марксисту: сущность капитализма заключается не столько в том, чтобы продавать то, что производится, сколько в том, чтобы *делать измеряемым всё, что ещё не поддаётся измерению*, чтобы присваивать измеряемую ценность тому, что днём ранее считалось абсолютно не поддающимся какому-либо измерению, чтобы создавать новые рынки. В этом и содержится океанический резерв накопления. Капитализм является универсальной экспансией *количественного измерения*.

В экономической науке теория Крохобора называется «теорией человеческого капитала», что более благозвучно. На сегодняшний день Организация экономического сотрудничества и развития определяет его как «знания, умения, навыки и атрибуты индивида, способствующие достижению личного, социального и экономического

благосостояния». По оценке Джозефа Стиглица, левацкого экономиста, «человеческий капитал» сегодня составляет от 2/3 до 3/4 всеобщего капитала; и это, похоже, подтверждает справедливость тезиса Сталина, лишённого всякой иронии: «*Наш главный капитал - это человек*». Согласно Локку, «каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав». И далее: «Мы можем сказать, что труд его тела и работа его рук по самому строгому счёту принадлежат ему» («*Трактат о гражданском правлении*»), – что, по его мнению, не исключало возможности подневольного труда или колонизации. Маркс превратил «человека» в обладателя «рабочей силы» – весьма загадочной метафорической сущности, если как следует над этим задуматься. Однако в каждом из этих случаев человек считался обладателем чего-то, что он мог отчуждать без вреда для себя самого. Формально он представлял собой нечто отличное от того, что он выставлял на продажу. Согласно теории человеческого капитала, человек в меньшей степени является обладателем неопределённого скопления капиталов – культурного, межличностного, профессионального, финансового, символического, сексуального или санитарно-гигиенического – и скорее *сам олицетворяется с этим скоплением*. Он *и есть* капитал. Он постоянно осуществляет арбитраж, выраженный в стремлении к увеличению своей ценности как капитала и в факте выставления себя на продажу на том или ином рынке. Его неотъемлемой частью является сочетание производителя, товара и продавца этого товара. Футболисты, актёры, звёзды, популярные видеоблогеры по понятным причинам являются героями эпохи человеческого капитала, людьми, ценность которых полностью совпадает с тем, что они собой представляют. Таким образом, макроэкономика превращается в обобщённую науку о поведении, будь то в сфере коммерции, церковной жизни или любви. Каждый из нас превратился в фирму, поддерживаемую на плаву за счёт постоянной озабоченности увеличением собственной ценности, за счёт жизненного императива саморекламы. По сути, человек превратился в *оптимизирующую креатуру* – в Крохобора.

Господство Крохобора представляет собой аспект того, что в журнале «*Invariance*» в 1960-е годы получило название *антропоморфоза капитала*. По мере того как капитал «реализует – в масштабах всей планеты и в рамках всей жизни каждой отдельной личности – модальности тотальной колонизации всего сущего, обозначаемые в терминах *реального доминирования*, ...самость-как-капитал становится новой формой, которую принимает стоимость после девалоризации. Внутри каждого из нас капитал мобилизует жизненную силу, дабы привлечь её к труду» (Giorgio Cesarano, *Apocalisse e rivoluzione*). С помощью такой махинации капитал экспроприрует все человеческие атрибуты, а человеческие существа превращают себя в нейтральных сторонников капиталистической валоризации. Капитал теперь не просто определяет облик городов, содержание труда и досуга, массовую психику, язык повседневной и личной жизни, формы самовыражения через моду, потребности и способы их удовлетворения – теперь он производит и *свой собственный народ*. Он порождает удобное ему *оптимизирующее* человечество. С этого момента все благоглупости насчёт теории стоимости можно смело сдавать в музей восковых фигур. В качестве примера из современной жизни можно рассмотреть танцпол ночного клуба: никто из присутствующих не явился сюда, чтобы заработать денег, их единственная цель – получать удовольствие.

Никого не принуждали к тому, чтобы сюда явиться, в отличие от работы, на которую им придётся затем идти. Нет и явно выраженной эксплуатации, отсутствует какая-либо циркуляция денежных средств между будущими партнёрами, которые пока ещё двигаются в такт друг другу. И в то же время всё происходящее здесь касается оценки, валоризации, самовалоризации, индивидуальных предпочтений, стратегий, идеального соответствия спроса и предложения в контексте оптимизации – короче говоря, перед нами чистой воды неоклассический рынок человеческого капитала. Логика стоимости теперь пронизывает и организованные формы жизнедеятельности. Экономика как форма отношения к миру далеко превзошла экономику как область знаний. Наваждение оценки не только явным образом доминирует в каждом из аспектов современной работы, но и руководит всем, что выходит за рамки этой сферы. Оно определяет даже взаимоотношения отдельных бегунов с самими собой, ведь чтобы улучшить свои показатели, бегун должен знать их во всех подробностях. Измерение превратилось в обязательную модальность бытия для всего, что пытается существовать в контексте социума. Весьма логично обратиться к *социальным* сетям, чтобы получить картину будущего, где будет воплощена обещанная нам круговая оценка. В этом отношении можно довериться пророчествам «*Чёрного зеркала*», а также вещим словам одного аналитика, который выражает энтузиазм по поводу современных рынков такими словами: «Вообразите, что завтра, прежде чем публиковать каждое, даже самое незначительное слово в сети, – будь то в контексте пустой болтовни, переписки, деловой встречи, транзакции, репоста или поведения – вы должны будете принять во внимание то, как это может отразиться на вашей репутации. Теперь представьте, что ваша репутация больше не будет некой нематериальной эманацией, которую определённые люди смогут оценить, лишь пообщавшись с вашими друзьями или коллегами по работе – теперь она будет реальным сертификатом универсальной пригодности, производимым сложными алгоритмами, обрабатывающими мириады фрагментов информации, которые имеются о вас в интернете, ...а полученные данные будут, в свою очередь, соотнесены с репутациями лиц, с которыми вам доводилось общаться! Добро пожаловать в ближайшее будущее, где ваша "репутация" будет подробно протоколироваться в виде универсального файла, доступного для всеобщего обозрения: открывая дверь в любые межличностные, профессиональные и коммерческие отношения, предоставляя возможность дозвониться или запрещать совместные поездки на Mobizen или Deways, романтическое свидание на Meetic или Attractive World, участие в распродаже на eBay или Amazon, ...а кроме того, охватывая и вполне реальный мир, включая возможность карьерного роста, купли-продажи недвижимости или банковского займа. Наши отпечатки в сети всё в большей и большей степени будут образовывать фундамент нашей репутации. Вдобавок ко всему, наша социальная ценность станет главным индикатором нашей экономической ценности».

Если что-то на данном этапе развития капитала и является новшеством, так это тот факт, что теперь он располагает техническими средствами для обобщённой оценки в реальном времени каждого аспекта любого изолированного существа. Безудержная страсть к рейтингам и перекрёстным рейтингам вышла за пределы классных комнат, финансового рынка и папок руководителей, чтобы вторгнуться в каждую сферу жизни. Если принять, что парадоксальная категория «потребительской стои-

мости» применяется в отношении «самого воплощения товара, ...его естественных качеств, ...собрания множества характеристик» (Маркс), то придётся признать, что область применения такой категории, как стоимость, была выхолощена до такой степени, что теперь она охватывает знаменитую «потребительскую стоимость», географические местоположения, характеристики отдельных существ и вещи: она столь тесно облегает тела, что совпадает с ними и образует вторую кожу. Мы имеем дело с тем, что Люсьен Карпик называет «экономикой единичностей». Стоимость вещей всё менее отлична от их вещественного бытия. Финансист французско-ливанского происхождения Бернар Мурад взял этот парадокс за основу сюжета своего романа «*Les Actifs corporels*» [«Физические активы»]. Небесполезно знать, что его автор ушёл с поста в коммерческом банке Morgan Stanley, чтобы войти в состав совета директоров Altice Media Group, дочки холдинга Патрика Драи, управляющей, помимо прочего, *Liberation*, *L'Express* и *i24 News*, после чего выполнял функцию особого советника Эмманюэля Макрона в ходе его президентской кампании. В этом романе он описывает воображаемую ситуацию, когда на фондовой бирже в качестве торгуемого актива регистрируется живой человек, – банкир, разумеется, – а его стоимость определяется, исходя из заключения его психоаналитика, профессионального реноме и данных медосмотра. В 2006 году, когда вышла настоящая книга, эта история о появлении «совокупности-и-человека» на рынке в контексте «новой индивидуализированной экономики» казалась чем-то из разряда футуристических фантазий. Однако сегодня федерация работников MEDEF настаивает на том, чтобы индивидуальный номер SIRET, использующийся для идентификации бизнес-предприятий, присваивался каждому французскому гражданину ещё при рождении. Стоимость существ превращается в набор их «индивидуальных характеристик», включая их состояние здоровья, их чувство юмора, их красоту, их ноу-хау, их взаимоотношения, их «социальные навыки», их воображение, их творческие способности и так далее. Это вытекает из теории и данности «человеческого капитала». Область применения стоимости охватила столь много измерений, что она превратилась в комплексное пространство. Она превратилась в целостный ансамбль всего *социально* выразимого, разборчивого и видимого. Стоимость, которая считалась социально обусловленной в смысле формальном, стала социальной в подлинном смысле. По мере того как деньги утратили своё обезличивающее, анонимное и отстранённое качество, чтобы их стало возможным отслеживать, локализовать и персонализировать, валюта тоже обрела жизнь. «Современный мир, – пишет Пеги, – протитутуируется не посредством плотского влечения. Хотя на это он вполне способен. Он универсально протитутуируется, поскольку он универсально взаимозаменяем». Нечто сродни протитутуии проникает в любую сферу, где ранее господствовала «общественная стоимость», каждый раз, когда какая-то часть нас самих обменивается за наименьшее вознаграждение, будь то финансовое, символическое, политическое, эмоциональное или сексуальное. Современные сайты знакомств являют собой уникальный образчик взаимной протитутуии ради чистого развлечения, однако протитутуия происходит везде и постоянно, покуда *люди торгуют собой*. Разве можно не согласиться с тем, что теперь, когда совокупный репутационный капитал столь легко конвертируется в сексуальную добавленную стоимость, мы находимся «в той фазе развития промышленного производства, когда производители имеют возможность требовать от

потребителей в качестве оплаты предметы чувственного наслаждения»? «Таковыми предметами станут живые существа... Живая валюта, даже если бы ей приходилось сосуществовать с рынком инертной валюты, вполне могла бы использоваться вместо золотого стандарта, стоило ей только войти в привычку и укорениться в нормах экономического поведения» (Пьер Клоссовски, «Живая валюта»).

Легкомыслие, ассоциирующееся с деньгами, проистекает из их сущности, укоренённой в чистой потенции. Накопление денежных средств суть откладывание на будущее любых фактических наслаждений, поскольку деньги приравнивают к возможностям всё многообразие вещей, которые на них можно купить. Каждая трата, каждая покупка, прежде всего, является потерей в контексте *потенциальных возможностей* денежных средств. Каждое отдельное наслаждение, которое они позволяют приобрести, в первую очередь представляет собой отказ от множества других потенциальных наслаждений, содержащихся в них. В эпоху человеческого капитала и живой валюты каждое мгновение жизни и каждое подлинное отношение окружено ореолом из множества подтачивающих его возможных эквивалентов. Находиться здесь означает нестерпимый отказ от того, чтобы находиться где-либо ещё – там, где жизнь протекает гораздо более интенсивно, о чём нам обязательно напомним наш смартфон. Проводить время с отдельным человеком означает приносить невыносимую жертву, отказавшись от компании всех прочих людей, с которыми мы *могли бы* проводить время с тем же успехом. Каждая любовь заведомо опорочена возможностью любви ко всем остальным. Отсюда вывод о невозможности присутствия здесь, о несостоятельности бытия-вместе. Универсальная неудовлетворённость. Пытка возможностями. Проклятие до гробовой доски. «Отчаяние», – таков диагноз Кьеркегора.

Экономика – это не просто система, из которой нам необходимо выбраться, если мы хотим перестать быть Крохоборами. Это то, из чего нам необходимо вырваться, чтобы просто жить, чтобы вернуть себе возможность присутствия в мире. Каждая вещь, каждое бытие, каждое место неизмеримо постольку, поскольку оно проявлено. Можно измерять вещь сколько душе угодно, с каждого ракурса и во всех размерностях, но её вещественное существование навеки останется неподвластным никакому измерению. Каждая вещь непреодолимо единична, хотя бы только лишь в силу своего бытия здесь и сейчас. В конечном счёте, действительное неисчислимо и неохватно. Вот почему для поддержания видимости порядка, единообразия и равнозначности требуется столько *усилий со стороны властей*. «Вносящую смуту реальность вещей / Я открываю изо дня в день. / Каждая вещь есть лишь то, что она есть. / Трудно передать кому-либо, какую это внушает мне радость и насколько я этим довольствуюсь. / Чтобы быть цельным, достаточно существовать. / ...Стоит мне вытянуть руку, я дотягиваюсь ровно туда, куда достаёт моя рука. / Ни сантиметром больше. / Я касаюсь того, до чего я дотрагиваюсь, а не того, о чём думаю. / Я могу сидеть лишь там, где я нахожусь. / А что забавнее всего, это то, что наши мысли постоянно заняты чем-то другим и витают где-то за пределами тела» (Альберто Каэйро). Руководящий принцип экономики заключается в том, чтобы вынудить нас сновать подобно крысам, дабы мы *никогда* не находили себе места, чтобы раскрыть секрет её узурпации: присутствие.

Вырваться из экономики означает высвободить план реальности, скрытый под ней. Товарный обмен и все сопутствующие сферы, касающиеся жёстких переговоров, недоверия, обмана и того, что жители Меланезии называют *вабу-вабу*, не являются чем-то, присущим исключительно Западной цивилизации. В тех местах, где люди не утратили навык жизни, подобные отношения имеют место только при встрече с чужаками, с теми, с кем этот народ никак не связан, и кто пришёл из мест настолько далёких, что перепалка не сможет развиваться в полноценный конфликт. Французское слово *payer* ('платить') происходит от латинского глагола *pacare*, 'утихомиривать, успокаивать', – например, раздавая деньги солдатам, чтобы они могли купить на них соль, – отсюда *salair*, 'зарплата'. Приходится *платить, чтобы обеспечить мир*. Весь словарь экономики по сути представляет собой словарь предотвращённой войны. «Имеется связь, преемственность между враждебными отношениями и установлением взаимных обязательств: обмен является мирной альтернативой войне, а войны случаются из-за неуспешных сделок». (Леви-Стросс). Дефектность экономики заключается в том, что она сводит всё многообразие взаимоотношений к отношениям враждебности, а любую дистанцию – к чужеродности. Тем самым она покрывает весь спектр, любые градации, всякую разнородность во всём множестве отношений, как существующих, так и воображаемых. В зависимости от степени близости между существами, речь может идти об обобществлении благ, совместном использовании определённых вещей, обмене на условиях согласованной взаимности, меркантильном обмене или же о полном отсутствии обмена. И каждая форма жизни обладает собственным языком и выразительными средствами для передачи такого многообразия режимов. Заставлять этих убудков платить означает добрую ссору. Когда вы влюблены, вы не считаетесь с потерями. Когда всё решают деньги, слова не стоят ни гроша; когда слова чего-то стоят, деньги ничего не решают. По этой причине, вырваться из экономики означает вернуть себе способность к тому, чтобы чётко различать возможные линии разделения и, сообразно обстоятельствам, пускать в дело настоящее искусство дистанций. Оно состоит в том, чтобы отодвинуть враждебные отношения – и сферу денег, отчётности, измерения – как можно дальше от себя. В том, чтобы изгнать на окраины жизни то, что сегодня является её нормой, её ядром, её сущностным состоянием.

Сегодня вокруг нас полно людей, пытающихся вырваться из тисков экономики. Они становятся пекарями вместо того, чтобы быть консультантами. Они становятся безработными при любой удобной возможности. Они создают кооперативы – кооперативные общества и товарищества. Они пытаются «работать по-другому». Однако устройство экономики настолько продумано, что теперь в ней отводится место целому сектору, так называемой «социальной и солидарной экономике», который приводится в действие благодаря энергии тех, кто пытается от неё убежать. Сектор, удостоенный отдельным министерством и обеспечивающий 10% французского ВВП. Чтобы помешать беглецам, были расставлены все виды капканов, дискурсов и законодательных структур. Со всей серьёзностью они посвящают себя тому, о чём когда-то мечтали, но вся их деятельность регистрируется социумом, и это кодирование, в конечном итоге, бросает свою тень на всё, что они делают. Несколько человек берут на себя коллективную ответственность за поддержание в чистоте водного источника в их деревушке, чтобы однажды обнаружить, что то, чем они

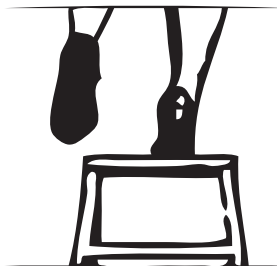
занимались, теперь относится к «управлению сервитутами». Мало в каких секторах можно обнаружить столь безудержную страсть к бухгалтерии, – из соображений справедливости, прозрачности или образцовости – какая свойственна социальной и солидарной экономике. Любой малый или средний бизнес по сравнению с этим покажется бухгалтерским борделем. Однако более чем стопятидесятилетняя история кооперативов говорит нам о том, что они никогда не представляли ни малейшей угрозы для капитализма. Те из них, которым удалось выжить, рано или поздно превращались в такие же фирмы, как и все остальные. *Нет никакой «другой экономики», есть лишь другие формы отношений с экономикой.* Отношения дистанции и враждебности, если быть точным. Ошибка социальной и солидарной экономики заключается в её вере в признаваемые ею институты. В её настойчивости, с которой она требует, чтобы то, что происходит внутри неё, подчинялось законам, официальным режимам управления. Единственный вид отношений, в которые можно вступать с признаваемыми структурами, это использовать их в качестве *прикрытия для осуществления чего-то полностью отличного от того, что дозволено экономикой.* Это означает быть замешанным в таком их использовании и в поддержании необходимой дистанции. Коммерческая типография друга откроет доступ к своим машинам по выходным, когда они простаивают, а расходные материалы можно оплатить в конверте, чтобы не оставлять бумажный след. Группа дружных между собой плотников воспользуется любым инструментарием, к которому у них имеется доступ в их компании, чтобы построить сторожку, используемую в качестве ZAD [фр. *zone à défendre*, импровизированное сооружение, используемое для физической оккупации некой территории, как правило, в сельской местности]. Ресторан, известный на всю округу и имеющий хорошую репутацию, после закрытия предоставляет площадку для проведения товарищеских дискуссий, о содержании которых разведслужбам знать совсем не обязательно. Мы должны использовать экономические структуры лишь при условии, что мы будем *пробивать в них брешь.*

Как экономическая структура любой бизнес лишён всякого смысла. Он существует, и на этом всё, но *это – ничто.* Он может обрести смысл лишь извне, получив его от чуждого экономике элемента. По большей части, вопрос наделения экономической структуры смыслом, которого в ней нет, является задачей «коммуникации». Более того, образцовая моральная ценность и обоснование бытия сущностей в рамках социальной и солидарной экономики, которые они с такой гордостью себе приписывают, следует считать банальной формой «коммуникации», предназначенной для внутреннего потребления в той же степени, в которой она проецируется вовне. По этой причине некоторые из этих сущностей занимают ниши, в которых они могут позволить себе, с одной стороны, завышать цены настолько, что это не укладывается в голове, а с другой – эксплуатировать своих работников тем бесцеремоннее, чем громче они заявляют о своих «благих намерениях». Что же касается структуры, в которой проделана брешь, она обретает свой смысл не в том образе, который она проецирует вовне, а в том, что хранится в тайне: в её подпольном участии в политической схеме, несоизмеримо большей, чем она сама, в её использовании для целей, с экономической точки зрения нейтральных, если не бессмысленных, хотя и политически предосудительных, и ради средств, которые она, как экономическая структура, по самой своей природе предназначена накапливать *бесконечно.*

Самоорганизация на революционный манер с помощью целой сети сопротивления, построенной на взаимном обмене между легальными структурами, достижима, хотя и рискованна. Среди прочего, этот подход может обеспечить идеальное прикрытие для международных заговорщических альянсов. Однако всегда есть угроза скатиться обратно в экономическую колею, забыть о смысле нашей деятельности, испытать разочарование по поводу исхода этого заговора. Факт остаётся фактом: мы должны самоорганизовываться, организовываться на основе той деятельности, к которой мы испытываем страсть, и обеспечить себя всеми необходимыми средствами для её осуществления.

Единственным мерилom устойчивости государства в эпоху кризиса капитала является степень организации тех, кто намерен его уничтожить.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Невидимый Комитет
Конец работы, магическая жизнь
2017

Comité Invisible, "Fin du travail, vie magique", 2017 (Перевод: J. G.)

ru.theanarchistlibrary.org